

Константин Блохин, эксперт Центра исследования проблем безопасности РАН, пояснил, что самоизоляция, контроль — все, что было апробировано в Китае, на вооружение взял весь мир. Понятно, что многое, что в Азии приживается, трудно реализовать в западных странах, где граждане не такие уж и дисциплинированные, не готовы себя урезать в правах, понятно, что многие страны на это не решатся, будут протесты против этого, поэтому говорить, что инициатива будет успешной, трудно¹.

В период пандемии органы государственной власти половины регионов России предоставили чрезвычайные полномочия, предусматривающие возможность вмешиваться в частную жизнь граждан, широкому кругу субъектов — от медицинских работников и спасателей до таксистов, народным дружинникам и членам казачьих обществ. Этот процесс иначе как делегированием полицейских функций не назовешь.

Сложившаяся в связи с пандемией COVID-19 ситуация требует от многих государств принятия чрезвычайных мер для защиты здоровья и благополучия населения. Даже в условиях чрезвычайной ситуации такие меры должны быть основаны на верховенстве права.

Управление Верховного комиссара по правам человека ООН 27 апреля 2020 года приняло документ «Чрезвычайные меры и COVID-19: руководство» в котором определило, что чрезвычайные полномочия следует использовать в рамках параметров, установленных международным правом в области прав человека, в частности Международным пактом о гражданских и политических правах, который признает возможную потребность в дополнительных полномочиях. Такие полномочия должны быть ограничены по сроку и могут применяться только на временной основе с целью скорейшей нормализации положения. Ограничения должны соответствовать принципам законности, необходимости и соразмерности².

Резюмируя, можно утвердительно заключить, что законодательная деятельность государства в особых условиях должна быть выверенной и основываться на верховенстве права, носить временный характер и минимально ограничивать права и свободы человека как естественное благо.

Тарасов Алексей Анатольевич

Aleksey A. Tarasov

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета, старший преподаватель кафедры философии, социологии и психологии управления Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

Право и государство в «сетях» сетей³

The law and the state in the “nets” of networks

Каждое государство представляет собой «бессмертное существо», «искусственную личность», «корпорацию», чье физическое тело восстанавливается через череду человеческих поколений, объединяемых принадлежностью к одному и тому же «народу», выживание и процветание которого он должен обеспечить на протяжении веков. При таком режиме каждый получает место, пригодное для жизни, и должен уважать место других.

Пожалуй, самый главный вопрос, который занимает любого настоящего юриста, правоведа или философа права, начиная с Жана Бодена и Ганса Кельзена и до сегодняшнего момента включительно, — что же отличает государство от просто «сборища бандитов»? Непрестанная попытка ответить на этот вопрос, составляющая суть юриспруденции и самого закона, каждый раз отсылает нас к поиску определенной системы координат, в рамках которой властью люди признают то, что имеет своим референтом нечто, к чему они сами признают свою принадлежность. Очевидно, что мы подчиняемся чьим-то требованиям отнюдь не потому, что этот некто, например, носит полицей-

¹ Всем по QR-коду от Китая. Си Цзиньпин предложил создать международный механизм «кода здоровья». URL: <https://www.bfm.ru/news/458769> (дата обращения: 24.04.2021).

² Чрезвычайные меры и COVID-19: руководство. URL: www.ohchr.org (дата обращения: 11.05.2021).

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00173.

скую форму и имеет дубинку или огнестрельное оружие. Простой силы, насилия недостаточно для легитимности. Должно быть что-то еще. Это всегда четко понимали теоретики и практики права. Все попытки «как бы забыть» об этом, проигнорировать, всегда плохо заканчивались. В ста процентах случаев. И вот опять! Власть, которая опирается только на силу, не имеет легитимности, то есть (что одно и то же) у нее отсутствует или недостает разума. Сила есть, ума не надо! Придание власти разумности, а тем самым легитимности, и есть один из главных смыслов права и закона. В этом смысле легальность и легитимность отнюдь не являются противоречащими друг другу понятиями. Отсюда же, кстати, очевидно, что Право предшествует Государству, а потому можно обоснованно говорить о том, что оно переживает его. («Классический» пример того, что Государство может «исчезнуть» и что его существование далеко не сводится к власти как силе — Германия середины XX-го века, которая не могла после 1945-го года продолжать существовать, как будто ничего не было, как ни в чем не бывало.)

Это только у марксистов право — орудие в руках эксплуататоров. Может быть это и так, но в значительной степени как раз потому, что такое понимание феномена внесло значительный вклад в развитие самого феномена как «самосбывающееся пророчество»! Именно у левых (пусть и небезосновательно!) появилась идея о том, что Право — инструмент господства Партии. Но только после этого она и стала всеобщей тотальной нормой! С чем боролись, на то и напоролись! Это послужило не преодолением, а усилением, радикализацией этой «темной» стороны Права и Государства. Левые дооформили, материализовали идею, которая до них лишь смутно витала в воздухе.

Само слово «право» происходит от латинского *directum* и таким образом предполагает идею цели, направления, общих для всех (без исключения!) людей. Но именно эта составляющая сегодня под ударом.

Господствующие сегодня сети (информационные или социальные, или даже «сетевое общество», а также «платформы») — это реинкарнация феодализма и даже дофеодализма. Право в контексте глобализации оказывается пронизано давно устаревшими («допотопными») формами и знаменует собой вовсе не победу, например, договора над законом или «гражданского общества» над государством, как зачастую нынче это пытаются преподнести, но возрождение структур, предшествовавших построению суверенных государств.

В современных обществах («цивилизованных» — статус, на который мы все еще претендуем) закон выражает волю суверенной власти, которая в равной степени вменяется всем без исключения. Это условие свободы, признаваемой за каждым. Эта структура — наличие третьей стороны, источника и гаранта права, законов — выходит за рамки воли и партикулярных, семейных, клановых или классовых интересов индивидов.

В системе «сетевого» управления целью является уже нечто принципиально иное, а именно — ответственность поведения каждого тому месту, которое он занимает в «сети». Каждый должен наилучшим образом служить интересам тех, от кого он зависит, и одновременно иметь возможность полагаться на верность тех, кто в свою очередь зависит от него. Фигура третьего гаранта хоть пока еще и не исчезает полностью, но распадается на несколько полюсов, соединенных между собой в рамках одной «сети». Тогда позиция государства становится все меньше и меньше сродни позиции собственно «государя», то есть «суверена», и все больше — позиции «сюзерена». Отсюда становятся понятны постоянные разговоры, например, о «башнях Кремля», о «теориях заговора», «осадном положении», о том, что «кругом одни враги» и т. п. Сюда же можно отнести и вновь набирающую популярность в условиях информационно-коммуникационных технологий буддистскую/индуистскую (и т. д.) концепцию человека как нестабильной психофизической сущности. Возврат к примитивному — «сетевому» — обществу сопровождается реанимацией донаучных, доправовых и догосударственных, магических и мифологических мировоззрений, представлений, верований человека и о человеке.

В настоящее время государство всеобщего благосостояния стремится к дальнейшему сокращению числа миссий, которые оно берет на себя непосредственно, с тем чтобы поручить управление частным агентам/операторам, деятельность которых оно «регулирует», то есть создает густую (или не очень!) сеть «концессий» и «кормлений», заново порождая «сеть сюзеренитета», что делает его связь с народом все более и более косвенной. Суверенитет рассеивается: для достижения минимальной безопасности или свободы нужно быть еще более (!) могущественным, чем прежние средневековые монархи, князья, помещики и т. п. Это типичная черта примитивных, архаичных обществ — значение каждого измеряется числом тех, на кого он может положиться (в сегодняшней терминологии — числом «лайков» и прочих рейтингов/баллов).

На каждом углу трубят о беспрецедентной свободе личности, «падении оков закона и государства», свободе выбора идентичности (включая пол, расу т. д.), но в упор не видят цену этой свободы — переход от Закона к «связям», или «блату», так хорошо знакомым всем нашим соотечественникам (!!!), создает связь, которая обязывает каждого вести себя в соответствии с ожиданиями другого! Подстраиваться, адаптироваться. Этот «феодалный контрренессанс» может привести как к мафиозно-партийно-клановому типу общественно-политического устройства, так и к умеренной зависимости, где будут по-прежнему гарантироваться основные права и свободы каждого. Исход еще пока зависит от нас.

Сама «свобода личности» сегодня понимается очень даже специфично (это — «мягко говоря»!): например, свобода получать зарплату ниже обычных тарифов и даже прожиточного минимума (который и так занижен!), работать по 15 часов в день, никогда не выходить на пенсию (сразу — «вперед ногами»), работать по субботам и воскресеньям (а не проводить его с семьей и детьми, например), отказываться от отстаивания своих прав в суде, заниматься проституцией и т. д., и т. п.

Кстати, в этой неофеодалной ситуации «бедный» — это тот, у кого мало знакомых и родственников, и который поэтому не может рассчитывать на их солидарность, помощь, поддержку. С этой точки зрения в наших «богатых» обществах полно «бедных», нищеты, которую никто даже не думает измерять и хоть как-то ей противостоять и вообще «иметь дело» — ее «как бы» нет.

Или, например, на каждом углу трубят об инвестициях в «человеческий капитал». Забывают или замалчивают, что популяризированная И. В. Сталиным до формализации современной экономической наукой (например, Гэри Бекером или «фрикономиксом») идея «человеческого капитала» («Самый ценный капитал — это люди») служила коммунистическим эквивалентом нацистской концепции «человеческого материала».

В XX-м веке концепцию «прозрачности» придумали для того, чтобы противостоять тоталитаризму. Но круг и здесь снова замыкается — последние 10 лет одной из центральных проблем стал так называемый «платформенный капитализм». Facebook, Система социального кредита, Web of Science/Scopus и так далее — инструменты «прозрачности для людей» превратились в инструменты «прозрачности самих людей».

Стоит напомнить, что философия права всегда была оплотом возрождения, последним бастионом борьбы против тоталитаризма (или просто бездумного статус-кво) и глотком свежего воздуха. Это совершенно не случайно. Правовые механизмы позволяют преобразовывать политическое или социальное насилие — и вообще «соотношение сил» — в правовые отношения. Блокирование же этих механизмов и превращение конкуренции в единственный универсальный принцип приводит к тем же тупикам, что и тоталитаризм XX-го века, общей чертой которых как раз и было порабощение права предполагаемыми законами экономики, истории или биологии. Ликвидация всякого рода запретов во имя экономической свободы может породить только сокрушение слабого сильным и открытие всех шлюзов насилия.

Сциентизм постоянно путает правовую норму с технической. Здесь «нормативность» утрачивает свое вертикальное измерение: речь идет уже не о том, чтобы сослаться на закон, выходящий за рамки фактов, а о том, чтобы вывести норму из фактов, норму измерения самих фактов (и только «фактов»!). Например, показатели государственной политики все чаще исходят из того же догматического подхода, что и показатели советского планирования, и имеют те же последствия: они направляют действия на удовлетворение количественных целей, а не на конкретные результаты, и маскируют реальное положение в экономике и обществе для правящего класса («элиты»), оторванного от жизни тех, кем он управляет.

Р. S. Лично я благодарен Р. З. Рувинскому по меньшей мере за то, что это он меня «заразил» темой «системы социального кредита» — феномена, высвечивающего сущность нашей эпохи. Так что «заражения» бывают очень даже полезные! Я считаю Р. З. Рувинского в большей степени не юристом и не правоведом, а философом права. Философы решают «свои» проблемы оригинальным способом — надо правильно сформулировать вопрос/проблему, тогда она начнет решаться как бы сама собой. И вот работа Р. З. Рувинского «Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы»¹ — это целый клубок вопросов и проблематизаций. Здесь не так много ответов. Но это потому, что вопросы гораздо интереснее и важнее. И это очень по-философски!

¹ Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. СПб.: Алетей, 2020.